

Женя Озёрная

Тот, кто всегда
со мной

Женя Озёрная

Тот, кто всегда со мной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69578602

SelfPub; 2023

Аннотация

Миниатюра о внутренней кухне писателя, о соавторстве и самокритике. О бесконечной тоске, которая и заставляет многих снова садиться за стол и искать слова.

Женя Озёрная

Тот, кто всегда со мной

Привет, мой старый друг.

День, когда мы впервые столкнулись с тобой в упор, мне помнится лишь обрывками.

В городе было жарко, а Ди всегда умела занимать лавочки в тени. Тогда она тоже меня ждала и уже успела купить своё вечное крем-брюле. Мы поговорили немного о том о сём, пока она доедала. Я слегка помедлила – как будто могла отступить – и достала из рюкзака ту толстую фиолетовую тетрадь с кучей закладок, где мы создавали наш мир.

Она взяла её с небрежностью, которой я давно втайне завидовала, откинулась на спинку лавочки и стала читать.

«Рассвет несмело брезжит над равнинами Германии...» – взгляд Ди скользнул по первой строке, и тут уж я потеряла способность думать о чём-нибудь кроме того, что она читала. Следом её ждал деепричастный оборот, доглуха набитый тем, что я только и могла знать в шестнадцать лет, и она, конечно, споткнулась. Тут-то, наверное, всё и началось – и страшно подумать, что это было лишь начало.

Она быстро дочитала зарисовку, ещё раз бросила взгляд на весь разворот тетради сразу – видимо, чтобы составить общую картину, – а потом вернула мне тетрадь и сказала:

– Спасибо, Линн. Это ещё одна важная деталь... Спасибо.

Потом Ди замолчала, и я осталась в тишине. Только где-то там далеко, уже будто за кадром, всё шло своим чередом без меня. Птицы пели, машины шумели, реклама из громкоговорителей лилась на улицы города.

В кадре был ты – ты шёл по соседней дорожке, потом повернул на нашу и двинулся к лавочке, где сидели мы с Ди. Она уткнулась в телефон, от чего её всегда было сложно удержать, а я запрятала тетрадь обратно в рюкзак так спешно, что её обложка помялась, – хотя по нашему уговору сейчас был не мой черёд писать.

Через несколько секунд ты стоял уже прямо передо мной в своём чёрном одеянии, с которого ключьями свисала пыль, а я пыталась проглотить ком, подкативший к горлу. Ди продолжала читать что-то в телефоне, словно ничего и не случилось, и ты, предчувствуя свою победу надо мной, перебил меня на полуслове.

– Не...

– И сколько можно мусолить этот рассвет.

Я услышала твой голос, такой выхолощенный и скупой, и вдруг осознала, что мы с тобой знакомы. Знакомы давно.

К твоей чести, ты единственный был рядом всегда, когда я в чём бы то ни было проваливалась. Я не помню ни единого исключения. Часто твои суждения о том, почему это происходило, оказывались разумными. Теперь, десять лет спустя,

я с тобой даже согласна насчёт той зарисовки. Тогда я провалилась в который раз, а ты был прав во всём: ну кто только не писал про этот рассвет, его уже и штампом назвать стыдно. И что за «брезжит»! Откуда я его взяла, из упражнения в учебнике по русскому? А за ту тему мне и братья не стоило – жизненного опыта пшик.

Но если ты был прав, то почему мне стало так больно? Я схватила Ди за руку, пусть ей всегда такое было неприятно, и проямлила:

– Я тоже... хочу мороженое.

Хорошо, что ты не потащился за нами. Хоть в этом ты милостив. Но только стоя перед огромным холодильником в супермаркете, я поняла, что мороженого-то мне и не надо. Мне надо было просто уйти подальше от тебя, чтобы ты не сверлил меня своим пустым взглядом. Хотя это и взглядом назвать трудно. С Ди мы давно потеряли связь, а наша с тобой связь оказалась во много раз прочнее – я и не думаю, что она когда-нибудь разорвётся. Но за годы таких, как и в тот день, неприятных столкновений в упор я так ни разу и не увидела твоего лица.

Потому что его просто не существует в природе.

И как бы я ни силилась найти слова, чтобы описать то, что находится у тебя там, где у всех нормальных людей должно быть лицо, – таких слов я не нахожу тоже.

Там пустота, ноль, ничто, вакуум, небытие... Что ещё можно поставить в этот ряд?

Когда я в очередной раз сажусь за стол и продолжаю искать слова, ты опять приходишь и даёшь мне понять, что я провалюсь.

Наверное, ты прав. Да, каждый раз. Для того, чтобы это описать, не существует слов. Иногда я чувствую, как голова полнится чем-то, что нужно выплеснуть на бумагу, и пока я этого не делаю, мне кажется, что это будет не зря.

А потом я сажусь за стол и продолжаю, продолжаю искать слова. Следом приходишь ты, и я вижу, насколько это беспомощно. Вот почему Ди и не смогла тогда больше ничего сказать о моей зарисовке.

Я плохо помню, как в тот день добралась до дома, но хорошо помню, что боль не исчезла. Чтобы её выпустить, я вырвала из тетради те страницы, разорвала их на мелкие кусочки и кусочки эти выбросила в мусорку.

Когда ты спросил, зачем я это сделала, твой голос звучал совсем не по-издевательски, а всё так же пусто, но мне стало ещё больнее.

Ведь Ди о моей зарисовке больше ничего и не говорила.

Да и называть тебя тобой, наверное, большая глупость – как, собственно, и писать это письмо. Я долго боялась за него садиться – ведь мне каждый раз всё сложнее сесть за то, чтобы искать слова.

Но пока ты не превратил в пустоту то, что осталось, я буду,

буду стремиться к этому.

Ещё увидимся,

Линн